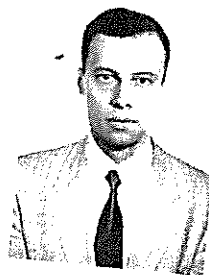

Допустимость третейского соглашения

В. Н. АНУРОВ, кандидат юридических наук, юрист международной юридической фирмы «Peter Levine & Co. Ltd.»

Введение (определение предмета исследования)

Когда между сторонами третейского соглашения возникает спор, перед ними неизбежно встает следующий вопрос: может ли этот спор быть передан на разрешение третейского суда? Для урегулирования конфликтных ситуаций при решении поставленного вопроса, необходимо четко определить правовой инструментарий, подлежащий применению при регулировании соответствующих правоотношений. Теоретические исследования, преследующие вышеназванную цель, отличаются, с одной стороны, богатым разнообразием понятийного аппарата, а с другой стороны, отсутствием единого подхода к разрешению возможных разногласий между сторонами третейского соглашения. Все это свидетельствует о недостаточной научной изученности критериев и подходов, используемых при определении допустимости третейского соглашения, что в результате приводит к непредсказуемости и необоснованности выносимых третейским судом решений.

Автор предлагает рассматривать название настоящего исследования в качестве термина, описывающего все правоотношения, складывающиеся между участниками третейского разбирательства по поводу определения возможности разрешения спора третейским судом. Именно этот термин может выступать объединяющим началом и включать в себя все обстоятельства, возникающие при регулировании как правоотношений, являющихся объектом настоящего исследования, так и тесно соприкасающихся с ними.

Под допустимостью третейского соглашения автор понимает соответствие его спорам, переданным сторонами третейского соглашения на разрешение его третейским судом, категории споров, которые могут быть предметом третейского разбирательства на основании третейского соглашения и применимости права. Сформулированная таким образом правовая дефиниция позволяет включить в термин «допустимость третейского соглашения» два других понятия, наиболее часто используемых третейскими судами: «установление сферы действия третейского соглашения» и «арбитрабельность». Целесообразность объединения этих двух понятий в одно объясняется схожестью разности объединения этих двух понятий в одно объясняется схожестью объекта правоотношений и стадий, на которых потребность в оценке объекта приобретает для участников третейского разбирательства актуальность. Необходимость проверки третейского соглашения на предмет допустимости передачи спора на рассмотрение третейского суда не может возникнуть до начала третейского разбирательства, так как волеизъявление сторон не считается конкретизированным и окончательно сформированным без предъявления претензии заинтересованной стороной. Обращение стороны, настроенной против третейского разбирательства, за средствами правовой защиты, лишено смысла, вследствие того, что ее права и интересы еще не нарушены другой стороной. Поэтому любая аргументация, связанная с оспариванием допустимости третейского соглашения, не должна приниматься во внимание государственным судом, а действия этой стороны, направленные на лишение

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

ожидаемого третейского разбирательства не рассматриваться. Выводом является высказывание, что третейский суд может возбудить третейский арбитражный процесс за пределами юрисдикции арбитражного трибунала не областью арбитрабельности (первичной по рассмотрению спора в юрисдикции арбитражного трибунала)». ¹ Как видно из вышесказанного, ведение третейского

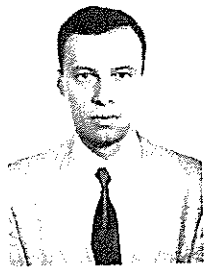
Очень часто понятие третейского разбирательства разъясняя применительно к практике 1958 года о признании третейских решений, не только действующего третейского разбирательства в США в соответствии с Арбитража Нью-Йоркской конвенцией не должен рассматриваться, иллюстрирует комментатор так как в ней речь идет о третейском разбирательстве, правила постоянно применяются в случае установления схожести понятий встречающегося смешения у «Вопрос о том, может ли третейский разбирательность», не следует под условиями компетенции внутреннего арбитража, деятельности государственного арбитража, деятельности иностранного арбитража (принадлежности юрисдикции) или объединения спора иностранного разбирательства арбитражного разбирательства в отношении спора между государством – нес на территории Российской Федерации спор не арбитражный, рассматривать спор по ограниченной сфере

Я

ной

зни-
рос:

ского суда? Для устного вопроса, подлежащий применению. Теоретические ищутся, с одной стороны, от другой стороны, от разногласий между гнет о недостаточной мых при определении ге приводит к непред- им судом решений. щего исследования в ия, складывающиеся воду определения воз- но этот термин может я все обстоятельства, и, являющихся объек- щихся с ними. тонимает соответствие ия на разрешение его лть предметом третей- ашения и применимо- и дефиниция позволя- лашения» два других удами: «установление бельность». Целесооб- ьясняется схожестью ёность в оценке объек- ельства актуальность. предмет допустимости может возникнуть до явление сторон не счи- юванным без предъяв- ие стороны, настроен- ими правовой защиты, есы еще не нарушены анная с оспариванием ниматься во внимание равленные на лишение

ожидаемого третейского разбирательства его юридической силы, должны рассматриваться как преждевременные. В этой связи интересным представляется высказывание английских ученых Саттона и Гилла о стадиях, на которых может возникнуть вопрос об арбитрабельности, являющийся, составной частью термина «допустимости третейского соглашения»: «Вопрос арбитрабельности может возникнуть на трех стадиях арбитража: при обращении за приостановлением арбитража, когда оппонент заявляет о том, что трибунал не обладает компетенцией разрешить спор по причине его неарбитрабельности (первая стадия); во время арбитражных процедур или слушаний по рассмотрению возражений о том, что трибунал не имеет самостоятельной юрисдикции (вторая стадия); при оспаривании третейского решения или возражений против признания и приведения его в исполнение (третья стадия)».¹ Как видно из приведенной цитаты, все три стадии предполагают проведение третейского разбирательства.

Очень часто понятия «арбитрабельность» и «установление сферы действия третейского соглашения» смешивают между собой. Так, например, разъясняя применение пп. «а» п. 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, некоторые комментаторы делают ссылку на правила постоянно действующего третейского суда: «Вместе с тем ряд гражданско-правовых споров и в США выведены из сферы арбитража. Так, согласно правилу 600 Арбитража Нью-Йоркской фондовой биржи иск, предъявленный как групповой не должен рассматриваться в арбитраже».² Приведенный пример не иллюстрирует комментируемую норму Нью-Йоркской конвенции 1958 года, так как в ней речь идет об установлении арбитрабельности спора. Ссылка на правила постоянно действующего третейского суда приемлема только в случае установления сферы действия третейского соглашения. Подобное смешение понятий встречается и в других научных работах.³ На недопустимость такого смешения указывают все те же английские ученые Саттон и Гилл: «Вопрос о том, может ли конкретный спор быть передан в арбитраж (арбитрабельность), не следует смешивать с вопросом о том, какие споры подпадают под условия конкретного третейского соглашения (сфера действия третейского соглашения)».⁴ Сказанное в полной мере относится и к различию в компетенции внутреннего третейского суда и международного коммерческого арбитража, деятельность которых регулируется одним и тем же внутригосударственным правом. Водоразделом между ними выступает присутствие в споре иностранного элемента, проявляющегося в двух видах: в субъекте правоотношений (принадлежности личного статуса стороны к иностранной юрисдикции) или объекте (внешнеторговой деятельности). Однако осложнение спора иностранным элементом не может претендовать на критерий определения арбитрабельности. Как правильно отмечает М. Рожкова, «международный коммерческий арбитраж не обладает компетенцией, например, в отношении спора между лицами, ведущими основной бизнес на территории одного государства — двух российских организаций, ведущих основной бизнес на территории Российской Федерации»⁵, но из этого не следует, что данный спор не арбитрабелен. Отсутствие компетенции третейского суда рассматривать спор по причине его неарбитрабельности вытекает не из-за ограничений сферы деятельности конкретного третейского суда, предусмот-

ренных его внутренним регламентом или даже законом, а из-за общего правового запрета передавать данный спор на рассмотрение любого третейского суда.

Существует, также, и другая точка зрения, предусматривающая включение понятия «установление сферы действия третейского соглашения» в понятие «арбитрабельности»: «... третейский суд приступает к исследованию арбитрабельности спора, что предусматривает исследование (1) допустимости передачи такого спора на разрешение третейского суда и (2) включения данного спора в арбитражное соглашение». ⁶ Под включением спора в арбитражное соглашение автор приведенного тезиса, М. Рожкова, подразумевает использование в настоящей работе определение «установление сферы действия третейского соглашения». К такому выводу можно прийти на основании приведенных М. Рожковой примеров по широкому и узкому определению круга «потенциальных вопросов», переданных на рассмотрение третейского суда.

Предпосылкой для проведения различия между понятием «арбитрабельность» и понятием «установление сферы действия третейского соглашения» выступает оценка третейского суда не как постоянно действующего института или состава третейских судей, образованного для рассмотрения конкретного спора, а как способа разрешения данного спора, подлежащего применению на основании норм права, а не третейского соглашения. Если в первом случае решение вопроса о наличии у спора вышеназванного свойства зависит от содержания правовых норм, то во втором случае ключевую роль играет принцип автономии воли сторон. В силу того, что добровольность волеизъявления сторон третейского соглашения является краеугольным камнем в праве третейских судов, целесообразнее, сначала, изучить правила применения диспозитивных норм, а потом переходить к императивным предписаниям права.

Установление сферы действия третейского соглашения

Понятие «установление сферы действия третейского соглашения» может быть раскрыто с помощью следующей правовой дефиниции:

Установление сферы действия третейского соглашения — это установление соответствия спора, переданного сторонами третейского соглашения на разрешение его третейским судом, категории споров, предусмотренной сторонами в их третейском соглашении.

В качестве наиболее яркого примера нормативного закрепления данной дефиниции специалисты в области третейского разбирательства выделяют пп. «с» п. 1 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года. ⁷ Согласно этой правовой норме «в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит доказательства того, что указанное решение вынесено по спору, не предусмотренному или не подпадающему под условия арбитражного соглашения или арбитражной оговорки в договоре, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением или оговоркой, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением или оговоркой, то та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, ох-

ватываемым в
говоре, может
ление сферы
«компетенци
РАЛ о между
дарственным
третейских су
и ясных пра
Отсутствие не
неоднозначн
явления. Так
сферы дейст
ких же пози
согласиться л
шения играе
Вместе с тем,
ния между ст
новление сфе
ванного согла
сторонами и т
/ им спора пу
существовани
Можно сказа
шения закля
положениям
детельствует
исковые треб
тейским судья
Обращение к
лезным, если
ствии у трете
рассмотрение
возражений п
ходе третейск
выходит за п
пользование
чины не прост
рон в третей
компетенции

О несостоя
установлении
толкования, с
приведенном
нятия решени
государственн
шение, что яв.
и само третейс

т, а из-за общего пра-
е любого третейского

атривающая включе-
го соглашения» в по-
пает к исследованию
вание (1) допустимос-
суда и (2) включения
ением спора в арбит-
ккова, подразумевает
овление сферы дей-
но прийти на основа-
у и узкому определе-
их на рассмотрение

нятием «арбитрабель-
гейского соглашения»
действующего инсти-
т рассмотрения конк-
ра, подлежащего при-
) соглашения. Если в
еназванного свойства
лучае ключевую роль
то добровольность во-
зя краеугольным кам-
изучить правила при-
йти к императивным

соглашения

го соглашения» может
иниции:

ения — это установле-
йского соглашения на
предусмотренной сто-

о закрепления данной
рательства выделяют
да.⁷ Согласно этой пра-
е арбитражного реше-
против которой оно на-
азательства того, что
ренному или не подпа-
1 арбитражной оговор-
ю вопросам, охватыва-
т быть отделены от тех,
оговоркой, то та часть
ления по вопросам, ох-

ватываемым арбитражным соглашением или арбитражной оговоркой в до-
говоре, может быть признана или приведена в исполнение». Также установ-
ление сферы действия третейского соглашения подразумевается в принципе
«компетенции компетенции», предусмотренного в Типовом законе ЮНСИТ-
РАЛ о международном коммерческом арбитраже 1985 года и внутригосу-
дарственными законами о международном коммерческом арбитраже и
третейских судах. Однако ни в одной из норм права не содержится четких
и ясных правил установления сферы действия третейского соглашения.
Отсутствие нормативного закрепления этих правил порождает проблему
неоднозначного подхода к определению юридической природы данного
явления. Так, английская доктрина рассматривает вопрос установления
сферы действия третейского соглашения как вопрос толкования.⁸ На та-
ких же позициях стоит и российская доктрина.⁹ С этим подходом можно
согласиться лишь частично. Действительно, толкование третейского согла-
шения играет значительную роль в установлении сферы его действия.
Вместе с тем, необходимо иметь в виду вступление в договорные отноше-
ния между сторонами третьего лица — третейского судьи. Поэтому уста-
новление сферы действия третейского соглашения касается не вышеназ-
ванного соглашения между сторонами, а соглашения, заключенного между
сторонами и третейским судьей / судьями о рассмотрении переданного ему
/ им спора путем третейского разбирательства. Неотъемлемым признаком
существования спора являются сформулированные исковые требования.
Можно сказать, что суть установления сферы действия третейского согла-
шения заключается в установлении соответствия исковых требований
положениям третейского соглашения. Отсутствие этого соответствия сви-
детельствует об отсутствии правомочия третейского суда рассматривать
исковые требования. Толкование третейского соглашения помогает тре-
тейским судьям прийти к такому выводу, но, отнюдь, не предопределяет его.
Обращение к данному средству правовой защиты может оказаться беспо-
лезным, если заинтересованная сторона несвоевременно заявила об отсут-
ствии у третейского суда компетенции рассматривать переданный на его
рассмотрение спор, т. е. сделала это заявление после предоставления ею
возражений по иску или с неоправданной задержкой после постановки в
ходе третейского разбирательства вопроса, который, по мнению стороны,
выходит за пределы компетенции третейского суда. Несвоевременное ис-
пользование стороной своих процессуальных прав без уважительной при-
чины не просто приводит к снятию неопределенности волеизъявления сто-
рон в третейском соглашении, но и изменяет его в целях признания
компетенции третейского суда.

О несостоятельности точки зрения, предписывающей ограничиваться при
установлении сферы действия третейского соглашения только вопросами
толкования, свидетельствует прямое упоминание о третейском решении в
приведенном выше положении Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Для при-
нятия решения об отказе в приведении в исполнение третейского решения
государственному суду необходимо исследовать не только третейское согла-
шение, что является достаточным для признания его недействительным, но
и само третейское решение.

Кроме того, стороны могут иметь единое мнение относительно толкования третейского соглашения, но при этом расходятся в вопросе об установлении сферы действия третейского соглашения. В таких случаях сторона, выступающая против рассмотрения спора третейским судом, обычно ссылается на альтернативную третейскую оговорку или возражает против третейского разбирательства по причине того, что спор выходит за пределы третейского соглашения на основании обстоятельств, обнаружившихся при рассмотрении дела по существу.

Установление сферы действия третейского соглашения нельзя смешивать с понятием «субъективная арбитрабельность», встречающимся в немецкой и австрийской научной доктрине. Под субъективной арбитрабельностью понимается способность сторон заключать третейское соглашение.¹⁰ По мнению автора, к рассматриваемым в настоящем исследовании вопросам в наибольшей степени подходит понятие, заимствованное тоже, кстати, из иностранного (английского) права, в котором делается акцент на внешнее проявление воли сторон, а не на их способность проявлять эту волю.

При принятии решения о наличии или отсутствии компетенции третейские суды демонстрируют «проарбитражный подход», который заключается в позитивном отношении к третейскому разбирательству и разрешению любых сомнений в пользу третейского суда. И только уже в одиозных случаях, когда третейское соглашение противоречит регламенту постоянно действующего третейского суда, третейские судьи вынуждены прекратить производство по делу. Классическим примером, неоднократно описанным в юридической литературе, является попытка передать на рассмотрение постоянно действующего третейского суда, занимающегося разрешением только коммерческих споров, спор из потребительской сделки.¹¹

По мнению автора, само наименование подхода, которым руководствуются третейские судьи при определении своей компетенции, препятствует нахождению истины и противоречит принципу добровольности сторон при передаче ими спора на разрешение третейского суда. Не может отдаваться предпочтение составу третейского суда, разбирающего конкретное дело, в обход юрисдикции государственных судов или другого третейского суда, упомянутого в альтернативной третейской оговорке. Если в первом случае, признание третейским судом компетенции рассматривать спор между сторонами нарушает цели их третейского соглашения, то во втором случае — цели другого третейского соглашения. Для устранения таких злоупотреблений со стороны третейских судов должен существовать эффективный механизм пересмотра их решений по установлению сферы действия третейского соглашения государственными судами. Эффективность может быть достигнута только в результате ломки старых стереотипов и догм. Одной из них выступает расширительное толкование общего правила о запрете государственно-му суду пересматривать третейское решение по существу. В соответствии с п. 4 статьи 243 Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дела государственный арбитражный суд не вправе пересматривать решение иностранного суда по существу. По мнению В. В. Яркова, «правила о невозможности пересмотра по существу распространяются и на иностранные арбитражные решения, поскольку они также носят окончательный характер».¹² Из этого правила должно быть сделано следующее исключение. Если

ТРЕТЕЙСКИЙ суд

компетенцию
сов по существу
третейского су
страции этой
практики Меж
ленной палате

Так, в деле
компетенции]
оговорки, соде
ко между теми
ям которого с
границить ко
требований не
та двух контре
«Ссылки на к
ных документ
были расцене
спорной парти
оговорку о пер
ющих третейс
мнений относи
привел бы в т
ной партии тог
пересмотреть
вопросов по су
петенцию МК.
лаясь на то, чт
которого явля
решении спор
делению комп
го договора с
распространен
ми за перевоз
ного кода плат
настоящего из
чика простав
мнению автор
ской оговорки
том, что конк
дение наличия
петенцию расс
соблюдения ус
ный суд вправ
ответчиком до
кументах был
В деле № 51
нив правила т
ногласий стор

ительно толкова-
спросе об установ-
случаях сторона,
м, обычно ссыла-
ет против третей-
а пределы третей-
ужившихся при

я нельзя смещи-
ающимися в немец-
убитрабельностью
гашение.¹⁰ По мне-
и вопросам в наи-
, кстати, из иност-
цент на внешнее
ь эту волю.

петенции третей-
рый заключается
и разрешении лю-
диозных случаях,
остоянно действу-
кратить производ-
нным в юридичес-
гшение постоянно
нием только ком-

м руководствуют-
, препятствует на-
сти сторон при пе-
может отдаваться
конкретное дело, в
гейского суда, упо-
ервом случае, при-
ор между сторона-
ом случае — цели
лоупотреблений со-
тивный механизм
третейского согла-
т быть достигнута
ной из них высту-
те государственно-
у. В соответствии с
РФ при рассмотре-
ересматривать ре-
Иркова, «правила о
я и на иностранные
гательный харак-
: исключение. Если

компетенцию третейского суда невозможно определить без решения вопро-
сов по существу дела, государственный суд вправе пересматривать решение
третейского суда, принятого по вышеназванным вопросам. В качестве иллю-
страции этой ситуации автор предлагает рассмотреть некоторые дела из
практики Международного коммерческого арбитража при Торгово-промыш-
ленной палате Российской Федерации.

Так, в деле № 456/1996 решение о признании МКАС при ТПП РФ своей
компетенции рассматривать спор было вынесено на основании третейской
оговорки, содержащейся в заключенном между сторонами контракте. Одна-
ко между теми же сторонами существовал другой контракт, согласно услови-
ям которого споры подлежали разрешению в другом третейском суде. Раз-
граничить компетенцию этих третейских судов по предмету исковых
требований не представлялось возможным вследствие однородности предме-
та двух контрактов. МКАС определил свою компетенцию по основанию иска.
«Ссылки на контракт в железнодорожной накладной, товаросопроводитель-
ных документах, извещении об отгрузке и счете, предъявленном ответчику,
были расценены МКАС как достаточные доказательства того, что отгрузка
спорной партии производилась в счет контракта, содержащего третейскую
оговорку о передаче споров на разрешение именно в этот постоянно действу-
ющих третейский суд.¹³ Приведенная аргументация МКАС не вызывает со-
мнений относительно правильности выводов. Однако в случае, если ответчик
привел бы в третейском разбирательстве доказательства об отгрузке спор-
ной партии товара по другому контракту, государственный суд вправе был бы
пересмотреть выводы МКАС, даже если эти выводы связаны с решением
вопросов по существу дела. В другом деле № 41/2002 ответчик оспаривал ком-
петенцию МКАС рассматривать переданный ему на рассмотрение спор, ссы-
лаясь на то, что агентский договор (первоначальный договор), требования из
которого являются предметом иска, не содержал третейской оговорки о раз-
решении споров в МКАС. Договорные условия, имеющие отношение к опре-
делению компетенции МКАС предусматривали утрату силы первоначаль-
ного договора с даты вступления в действие нового договора, а также
распространение условий нового на «отношение сторон, связанных расчета-
ми за перевозки грузов, осуществленных ответчиком с указанием конкрет-
ного кода плательщика в перевозочных документах до вступления в действие
настоящего изменения (изменения условий — от Авт.)». ¹⁴ Обязанность ответ-
чика проставлять указанный код на перевозочных документах имела, по
мнению автора, ключевое значение при определении сферы действия третей-
ской оговорки в новом договоре. МКАС же расценил заявление ответчика о
том, что конкретные коды были проставлены без его ведома, как подтвержде-
ние наличия этих кодов в перевозочных документах и признал свою ком-
петенцию рассматривать спор между сторонами на основании формального
соблюдения условий нового договора. Как и в деле № 456/1996 государствен-
ный суд вправе был бы пересмотреть выводы МКАС в случае представления
ответчиком доказательств о том, что конкретные коды в перевозочных до-
кументах были проставлены не им, а третьим лицом без его ведома.

В деле № 56/2000 МКАС при ТПП РФ признал свою компетенцию, приме-
нив правила толкования третейской оговорки. По мнению автора, суть раз-
ногласий сторон заключалась в установлении сферы действия третейского

соглашения. Ответчик возражал против компетенции МКАС при ТПП РФ на основании того, что исковые требования о взыскании суммы, переведенной им на счет истца и возвращенной ответчику банком «вытекают из внедоговорных отношений по неосновательному обогащению или сбережению чужих денежных средств, на которые арбитражные соглашения не распространяются». ¹⁵ Применив правила буквального толкования фразы «из контракта или в связи с ним», МКАС при ТПП РФ посчитал, что возврат денежных средств осуществлялся в связи с контрактом, и, следовательно, охватывался третейской оговоркой. Однако, как видно из решения МКАС при ТПП РФ, основным вопросом при разрешении дела по существу являлся факт получения или неполучения ответчиком факса, в котором истец отменял свои инструкции по переводу денежных средств. Именно от решения этого вопроса, а не от буквального толкования третейской оговорки зависело определение компетенции МКАС при ТПП РФ. В случае признания факта надлежащего выполнения ответчиком своих обязательств по совершению платежа, у истца возникло бы право требования к ответчику о возврате денежных средств, но только не в рамках третейского соглашения.

В деле 168/1995 МКАС при ТПП РФ не стал даже поднимать вопрос о толковании фразы «из договора или в связи с ним» и принял решение об отсутствии своей компетенции рассматривать спор. В качестве обоснования своих выводов МКАС при ТПП РФ сослался на отсутствие связи между учредительным договором о создании совместного предприятия, содержащего третейскую оговорку, и бартерной сделки, заключенной между совместным предприятием и одним из его участников. ¹⁶ Отсутствие связи вытекает из различной юридической природы этих сделок.

Необходимость разграничения споров из корпоративных правоотношений от споров из хозяйственной деятельности возникала и в английских третейских судах. Английскими государственными судами были выработаны общие правила об ограничительном толковании третейских оговорок, содержащихся в уставе компании. В соответствии с этими правилами подобные третейские оговорки охватывают споры между компанией и одним из его участников по поводу статуса последнего и не охватывают споры ее участников между собой. ¹⁷

Дело № 168/1995 является примером определения компетенции МКАС при ТПП РФ на основе юридической квалификации спора, а не фактической квалификации в описываемых выше решениях МКАС при ТПП РФ. В первом случае ответчиком оспаривается соответствие юридической природы правоотношений, составляющих предмет спора, юридической природе правоотношений, охватываемых третейской оговоркой. Во втором случае ответчиком оспаривается сам факт возникновения спора из договора, содержащего третейскую оговорку. При юридической квалификации спора у третейского суда нет необходимости разрешать вопросы по существу дела.

Так, в деле № 37/2000 МКАС при ТПП РФ посчитал преждевременным до решения вопроса о своей компетенции «разрешать возникший между сторонами спор по поводу того, были ли эти сделки вообще заключены». ¹⁸ Исходя из толкования основного договора, переписки сторон, МКАС при ТПП РФ установил, что сфера действия третейского соглашения охватывает как конверсионные (валютно-обменные) поставочные сделки, так и индексные фор-

вардные беспос
за рамки третей
РФ не требовал
ровергнуть «ос
практике его пр
зательств и их
компетенции М
РФ рассматрив
ложениях, пря
оговорку. МКАС
что в его компе
ванных на обяза
данным правоо

Рассмотрен
сферы действия
третейской ого
чается большин
росам. Вместе с
го правосудия
стороны научис
президиума В
2002 года. ²⁰ Сог
яся в договоре
по оплате прост
ному договору.
на без использо
зывающей на во
возникнуть име
ление Федераль
№ Ф04/1402-29
ного Суда РФ о
вый комментарий
ковым на стран
котором были и
комментатором
излагать все фа
виться лишь на
инстанций прот
По третейск
в пользу выигра
го предприятия
ственной линии
тации кассацион
от имени совмес
те совместного
ции ходатайств
ние третейского
и кассационной

АС при ТПП РФ нами, переведенной екают из внедогоя и сбережению чужения не распростания фразы «из ал, что возврат де:ледовательно, ох:шения МКАС при уществу являлся тором истец отме:но от решения это:говорки зависело признания факта гв по совершению ику о возврате де:шения.

имать вопрос о тол:решение об отсут:обоснования своих между учредитель:держателя третей:совместным пред:вязи вытекает из

ных правоотноше:и в английских тре:были выработаны их оговорок, содер:авилами подобные ией и одним из его г споры ее участни:омпетенции МКАС а, а не фактической ри ТПП РФ. В пер:дической природы еской природе пра:гором случае ответ:говора, содержаще:фикации спора у по существу дела. еждевременным до кций между сторо:ключены». ¹⁸ Исходя МКАС при ТПП РФ хватывает как кон:к и индексные фор:

вардные беспоставочные сделки, которые, по мнению ответчика, выходили за рамки третейского соглашения. Также, в деле № 199/2001 МКАС при ТПП РФ не требовалось разрешать вопросы по существу дела для того, чтобы опровергнуть «особое, не соответствующее действующему законодательству и практике его применения понимание ответчиком договора и договорных обязательств и их связи с нормами гражданского права». ¹⁹ Возражая против компетенции МКАС при ТПП РФ, ответчик исходил из права МКАС при ТПП РФ рассматривать только те исковые требования, которые основаны на положениях, прямо предусмотренных в контракте, содержащем третейскую оговорку. МКАС при ТПП РФ не воспринял позицию ответчика, указав на то, что в его компетенцию также входит рассмотрение требований сторон, основанных на обязательствах, вытекающих из правовых норм, применимых к данным правоотношениям.

Рассмотренные выше дела представляют собой пример установления сферы действия третейского соглашения без применения правил толкования третейской оговорки. К сожалению, российская судебная практика не отличается большим разнообразием вынесенных решений по аналогичным вопросам. Вместе с тем, уже сейчас можно обозначить подходы государственного правосудия, не вызывающие сомнения, и подвергшиеся критике со стороны научного сообщества. К первой категории относится постановление президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 12331/01 от 24 апреля 2002 года. ²⁰ Согласно этому постановлению третейская оговорка, содержащаяся в договоре о поставке автомобилей, не распространяется на отношения по оплате простого векселя, переданного в счет обеспечения платежей по данному договору. Фактическая связь между векселем и договором недостаточна без использования в третейской оговорке специальной терминологии, указывающей на возможность передачи в третейский суд споров, которые могут возникнуть именно по векселям. Вторую категорию представляют постановления Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делу № ФО4/1402-291/А70-99 и постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.01.2003г. № 2853/00, вынесенного по тому же делу. Первый комментарий обоим судебным актам был сделан профессором В. В. Ярковым на страницах журнала «Международный коммерческий арбитраж», в котором были приведены как сами тексты судебных актов, так и описание комментатором фабулы дел. Поэтому, нет необходимости еще раз подробно излагать все фактические обстоятельства судебного дела. Следует остановиться лишь на формулировке третейского решения и возражений судебных инстанций против его исполнения на территории Российской Федерации.

По третейскому решению проигравшая сторона должна была выплатить в пользу выигравшей стороны сумму ее вклада в уставный фонд совместного предприятия и сумму расходов, связанных со строительством производственной линии и деятельностью предприятия. Последняя сумма в интерпретации кассационной инстанции звучит как расходы, понесенные взыскателем от имени совместного предприятия, стоимости содержания занятых в проекте совместного предприятия работников. Определением суда первой инстанции ходатайство выигравшей стороны о признании и приведении в исполнение третейского решения было удовлетворено. Однако суды апелляционной и кассационной инстанции не согласились с судом первой инстанции по при-

чине того, что третейское решение содержало постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения. Решением надзорной инстанции (Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ) постановления судов апелляционной и кассационной инстанции оставлены без изменения.

Вышеназванные решения государственных арбитражных судов, за исключением решения суда первой инстанции, были расценены профессором В. В. Ярковым как недостаточно «глубокое и вдумчивое применение положений действующего законодательства России и международных договоров с участием нашей страны, адекватно отражающее содержание института международного коммерческого арбитража».²¹ В принципе, со многими замечаниями В. В. Яркова можно согласиться. В частности, справедливо высказывание о нарушении государственным арбитражными судами принципа состязательности путем самовольного включения им в предмет доказывания фактов, которые должна приводить проигравшая сторона, отсутствии оснований для рассмотрения исковых требований выигравшей стороны как тезис В. В. Яркова о факте пересмотра третейского решения по существу. Ниже приводится личное мнение автора о подходе государственных арбитражных судов по вышеназванному делу, которое основано на опубликованных судебных актах. Поэтому сразу нужно сделать оговорку о том, что рассуждения автора могут не соответствовать намерению судей, выносивших решения по этому делу.

Прежде всего, хочется обратить внимание на различный характер исковых требований, удовлетворенных третейским решением. Среди них особое положение занимают требования, возникшие из правоотношений совместно-положения занимают требования, возникшие из правоотношений совместно-предприятия и выигравшей стороной, т. е. юридического лица и его учредителя. Данные правоотношения носят корпоративный характер. Объектом правового регулирования является не «текущая экономическая деятельность юридического лица», а вопросы управления юридическим лицом, распределения прибыли между его учредителями и других взаимоотношений учредителей и юридического лица, складывающихся по поводу решения вопросов его внутренней организации. Сделки, заключенные в процессе осуществления хозяйственной деятельности, не имеют никакой связи со сделкой по созданию юридического лица и не могут подчиняться последней в силу различия целей и содержания правового регулирования. Исходя из этого принципа, государственный арбитражный суд должен был отделить постановления, принятые третейским судом по корпоративным вопросам, и, следовательно, охватываемые третейской оговоркой, от постановлений, касающихся текущей экономической деятельности совместного предприятия. Однако, такой умеренный подход не был воспринят вышестоящими инстанциями.

Позиция апелляционной и кассационной инстанции заключалась в признании за соглашением о применимом праве ключевой роли в определении сферы действия третейской оговорки. Так, в соглашении о совместном предприятии было предусмотрено общее условие о передаче любого спорного вопроса, связанного с данным соглашением, в третейский суд, который при разрешении спора должен руководствоваться гражданским и материальным правом Швеции, исключая коллизионные нормы. В то же время, в другой статье, посвященной вопросу ликвидации совместного предприятия, говори-

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

лось о соблюдении о совместной инстанции конечном итоге представляется Президиум Высшего разделяет реше видации предпр ствовало поста «О порядке соз; приятий с учас развивающих: иностранной учти из него пол ной форме по о ятия после пог третьими лица ность в установ Может ли он бы тием своей деяти влечет ликви ционная и в квалификацию ществу дела. Таг зидиума Высше «... решением Л ций (долей) в ус то время как од предприятие пр тате предьявлен в виде стоимост

В практике судов по устано лежали пересмс

Так, в деле М ционный суд СП рассмотрение т напротив, недоп быть исполнен г договора, предм посылкой этих в но фразы «возни государственного В деле Hart Enter (1995), напротив ного характера. нии третейского новным догово

лось о соблюдении советских законов. Требование о прекращении соглашения о совместном предприятии было расценено апелляционной и кассационной инстанцией как требование о расторжении данного соглашения, что, в конечном итоге, влекло ликвидацию совместного предприятия. В этой связи представляется некорректной ссылка В. В. Яркова на постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2000 г. № 6759/99, которое разделяет решение о расторжении учредительного договора и решение о ликвидации предприятия. На момент создания совместного предприятия действовало постановление Совета министров СССР от 13 января 1987 года № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран». В соответствии с пунктом 52 данного постановления иностранный участник при ликвидации совместного предприятия или выбытии из него получает право на возврат своего вклада в денежной или товарной форме по остаточной стоимости вклада на момент ликвидации предприятия после погашения своих обязательств перед советскими участниками и третьими лицами. Использованная терминология содержит неопределенность в установлении процедуры возврата вклада иностранному участнику. Может ли он быть возвращен в случае продолжения совместным предприятием своей деятельности, или выбытие иностранного участника автоматически влечет ликвидацию совместного предприятия? В любом случае, апелляционная и кассационная инстанция осуществили юридическую квалификацию спора, а не пересматривали решение третейского суда по существу дела. Такой же подход был продемонстрирован в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2001 года № 4821/00: «... решением Лондонского международного арбитража вопрос о судьбе акций (долей) в уставном фонде совместного предприятия не затрагивается, в то время как один из учредителей совместного предприятия и совместное предприятие признаются ответственными за убытки, причиненные в результате предъявления исков по договору хранения, и обязаны возместить ущерб в виде стоимости инженерного оборудования по упомянутому договору».²²

В практике иностранных государственных судов, решения третейских судов по установлению сферы действия третейского соглашения также подлежали пересмотру.

Так, в деле *Mediterranean Enterprises Inc v. Scangyony Corp.* (1983) Апелляционный суд США (девятый департамент) признал допустимой передачу на рассмотрение третейского суда спора о нарушении основного договора, и, напротив, недопустимой передачу спора из другого договора, который мог быть исполнен независимо от существования основного договора, из квазидоговора, предмет которого был идентичен основному договору. Хотя предпосылкой этих выводов выступало толкование третейского оговора, а именно фразы «возникшей из договора», ключевую роль в формировании позиции государственного суда играла правильная квалификация исковых требований. В деле *Hart Enterprises International Inc. v. Anhui Provincial Import & Export Corp* (1995), напротив, правила толкования вытеснили соображения процессуального характера. Суд южного округа г. Нью-Йорка отказал в приостановлении третейского разбирательства, указав на неразрывную связь между основным договором, содержащим третейскую оговорку, и соглашением о

порядке расчетов, в котором такая оговорка отсутствовала. Проигравшая сторона пыталась обратить внимание государственного суда совсем на другое обстоятельство. Для приостановления третейского разбирательства, по мнению проигравшей стороны, было достаточно установить формальную связь предмета и основания исковых требований стороны, начавшей третейского разбирательства, с соглашением о порядке расчетов, не содержащим третейскую оговорку. Государственный суд не пошел по этому пути, а, наоборот, не признал самостоятельность этого соглашения от основного договора. Тем самым, вопрос об установлении сферы действия третейского соглашения был решен независимо от определения предмета и основания иска.²³

По мнению автора, рассмотренные прецеденты являются примером применения правил юридической квалификации при установлении сферы действия третейского соглашения. Правила толкования третейской оговорки отличаются от вышеназванных правил объектом и последовательностью их применения. После того, как истец сформирует иски, третейский суд должен проверить допустимость их заявления в пределах третейской оговорки. Соответствует ли формулировка исковых требований терминологии третейской оговорки? При установлении сферы действия третейского соглашения путем применения правил юридической квалификации проверяется соответствие уже возникшего спора категории споров, предусмотренных в третейской оговорке. Также ключевую роль играет субъектный состав участников. Передача споров на рассмотрение третейского суда знаменует возникновение правоотношений, складывающихся по поводу установления сферы действия третейского соглашения, принятие третейским судом решения о наличии или отсутствии своей компетенции — их прекращение. Содержание правоотношений составляют действия сторон третейской оговорки и третейского судьи. Статус последнего ничем не отличается от статуса сторон третейского соглашения при совершении вышеназванных действий в гражданско-правовом смысле. Вступление третейского судьи в материально-правовые отношения сторон происходит за рамками осуществления им своих процессуальных полномочий. Решение третейского суда о сфере действия третейского соглашения не может рассматриваться как процессуальное решение. Оно носит договорный характер и представляет собой результат выполнения третейским судьей или третейскими судьями своих договорных обязанностей в рамках третейского соглашения. Поэтому государственный суд не должен иметь юрисдикцию по вынесению решений о сфере действия третейского соглашения до принятия подобного решения третейским судом. В перечень оснований принятия дела к судебному производству, выраженный общеизвестной формулой «недействительность, утрата силы и невозможность исполнения третейского соглашения», не входят вопросы установления сферы действия этого соглашения. Государственный суд вправе пересмотреть решение третейского суда о наличии компетенции и в случае неправильного установления сферы действия третейского соглашения отменить соответствующее решение третейского суда. Без третейского суда эти отношения просто не могут возникнуть и прекратиться. Поэтому правоотношения между третейским судом и сторонами третейского соглашения, складывающиеся по поводу установления сферы его действия, носят материально-правовой характер. При оспаривании в государственном суде

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

решения третейской сферы действия третейского судьи и ими своих обязанностей подход позволил государственного суда по существу третейского разбирательства третейского суда только те выводы

Что же касается отношений, единственной оговорки по Установление сфер и юридической к му договору или

Если употреблено можно включить при соблюдении часто встречающ недействительны возможность передачи пении».²⁴ Другая важная критика на искусственно другого, условия

В целях соблюдения достаточно выд и с помощью не образом:

Арбитражные сторонами, кат разбирательств:

Большинство считают арбности третейск ронников так А. И. Минакова, практики ВТАК иска швейцарск казом ответчик «Коджис» оспар допуская отка ло заключения третейские суде заключения. И

ла. Проигравшая сторона совсем на разбирательстве, по сути формальную начавшей третейской, не содержащим этому пути, а наоборот основного договора. иского соглашения ния иска.²³

ся примером при- лении сферы дей- тейской оговорки (овательностью их ебования, третей- пределов третей- реований терми- сферы действия ической квалифи- категории споров, евую роль играет твление третейско- ывающихся по по- ия, принятие тре- компетенции — их йствия сторон тре- ичем не отличает- ении вышеназван- е третейского судьи за рамками осуще- е третейского суда ссматриваться как ер и представляет тейскими судьями глашения. Поэтому несению решений одобного решения к судебному произ- вительность, утра- шения», не входят я. Государственный ичии компетенции третейского согла- уда. Без третейско- кратиться. Поэтому тетейского соглаше- го действия, носят сударственном суде

решения третейского суда о наличии своей компетенции в части установле- ния сферы действия третейского соглашения, оценке подлежат действия тре- тейского судьи или третейских судей на предмет правильности выполнения ими своих обязанностей как участников третейского разбирательства. Такой подход позволил бы государственному суду пересматривать решения третей- ского суда по существу дела, если они связаны с установлением сферы дей- ствия третейского соглашения, что, отнюдь, не умаляет значимости третей- ского разбирательства. Автор не настаивает на пересмотре всех выводов третейского суда по существу дела, а допускает возможность пересмотреть только те выводы, которые определяют вопрос о наличии компетенции.

Что же касается коллизионного регулирования вышеназванных право- отношений, единых правил здесь существовать не может. Толкование третей- ской оговорки подчиняется праву, применимому к третейскому соглашению. Установление сферы действия третейского соглашения путем фактической и юридической квалификации подчиняется праву, применимому к основно- му договору или существу отношений сторон.

Арбитрабельность

Если употреблять термин «арбитрабельность» в широком смысле, то в него можно включать все составляющие элементы третейского соглашения, при соблюдении которых оно обеспечивается правовой защитой: «Наиболее часто встречающимся основанием для признания арбитражного соглашения недействительным является неарбитрабельность предмета спора, т. е. невоз- можность передачи на арбитраж спора, определенного в арбитражном согла- шении».²⁴ Другие ученые называют целую совокупность критериев.²⁵ обосно- ванная критика такой позиции изложена О. Ю. Скворцовым, указывающего на искусственную замену признаков, по которым отличают одно явление от другого, условиями.²⁶

В целях соблюдения внутренней целостности системы правовых понятий достаточно выделить среди элементов третейского соглашения только один и с помощью него сформулировать понятие арбитрабельности следующим образом:

Арбитрабельность спора — это соответствие спора, возникшего между сторонами, категории споров, которые могут быть предметом третейского разбирательства на основании применимого права.

Большинство специалистов в области третейского разбирательства рас- сматривают арбитрабельность в качестве одного из элементов действитель- ности третейского соглашения, заключенного между сторонами. Среди сто- ронников такого подхода в первую очередь необходимо назвать А. И. Минакова, проанализировавшего вопросы арбитрабельности на основе практики ВТАК при ТПП СССР. Возражая против рассмотрения во ВТАК иска швейцарской фирмы «О Майер» о взыскании убытков, вызванных от- казом ответчика в приемке части товара по контракту, итальянская фирма «Коджис» оспаривала третейскую оговорку, поскольку итальянское право не допускало отказ от итальянской юрисдикции со стороны фирмы, и требова- ло заключения отдельного соглашения. Руководствуясь советским правом, третейские судьи нашли, что контракт подчинен праву Италии как места его заключения. Исходя из того, что «в рассматриваемом случае арбитражная

оговорка представляет собой один из пунктов контракта и особо не подписана», третейские судьи пришли к выводу, что поскольку стороны при заключении контракта не соблюли установленных законами Италии условий, касающихся третейской оговорки, последняя лишена значения. В данном деле ВТАК не разграничила вопросы арбитрабельности и формы третейского соглашения.

Если руководствоваться общим правилом о применении иностранного права только в отношении вопросов материально-правового характера, можно сделать вывод о том, что в данном деле ВТАК квалифицировала вопрос об арбитрабельности как материально-правовой элемент третейского разбирательства.

В другом деле (иск внешнеэкономического объединения «Трактор-экспорт» к индийской фирме «Тарапур») ВТАК вынесла решение, основанное на совершенно противоположной позиции. Индийская фирма, признавая третейскую оговорку в контракте, подала в суд иск к внешнеэкономическому объединению. Внешнеэкономическое объединение заявило отвод индийскому суду, сославшись на третейское соглашение. Индийская фирма в качестве аргумента выдвинула положение о том, что понятие «submission», используемое в английском переводе контракта как синоним третейского соглашения, на самом деле, означает фактическую передачу спора на рассмотрение в третейский суд и, соответственно, одного заключения сторонами третейского соглашения недостаточно. Для передачи спора в третейский суд согласно индийскому законодательству, которое, кстати, противоречило Нью-Йоркской конвенции 1958 года, необходимо было получить одобрение стороны (ответчика) на проведение третейского разбирательства. Однако главным вопросом этого дела являлся вопрос об определении юридической природы арбитрабельности. ВТАК признало его вопросом гражданско-процессуальной природы. Далее, ВТАК указала, что вопрос о допустимости третейского соглашения (арбитрабельности спора), как процессуальный, решается по закону суда независимо от того, какому праву подчинен контракт.²⁷

Как видно из описанных выше дел, при определении арбитрабельности спора разногласия между сторонами главным образом возникают в связи с коллизионным регулированием этого вопроса. Предлагаемый ВТАКом способ коллизионного регулирования не допускает применения принципа автономии воли сторон, и, как следствие этого, применения иностранного права, так как согласно общепринятому правилу выбор посредством коллизионной привязки иностранного закона невозможен, если он ставится в зависимость от элемента, квалифицируемого как процессуальный. Другой точки зрения придерживаются российские специалисты в области современного международного коммерческого арбитража. В частности, Е. В. Брунцева указывает на возможность применения нескольких систем права при определении арбитрабельности спора: «Вопрос «возможности рассмотрения в арбитраже определенных категорий споров представляет чрезвычайную важность. Обратим внимание, что в этом случае должно приниматься во внимание сразу несколько систем права: закон, регулирующий арбитражное соглашение; закон одной из сторон контракта; закон места проведения арбитража, и, наконец, закон того государства или тех государств, где вероятнее всего будет исполняться арбитражное решение».²⁸ К такому же выводу с незначитель-

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

ными изменениями третейского решения к его аннулированию является арбитражное разбирательство, которое лежит исполнению третейского соглашения подлежит при определенных условиях одним из элементов спора между сторонами. Это положение складывается из практики.³⁰ Третьей стороной, складывающейся из действительных третейских соглашений с одной стороны, советского арбитражного разбирательства из элементов спора между сторонами и третейскими судьями не является волеизъявление третейского соглашения, а только волеизъявление государства относительно арбитражного разбирательства. На недопустимость третейского соглашения на самом деле арбитражного разбирательства арбитражного разбирательства не всегда вызывает арбитражное разбирательство в разном пункте 1 и другие в подходе к арбитражному разбирательству при определении де-

либо не подписаны при заключении условий, как в данном деле третейского со-

и иностранного характера, могла вопроса об ийского разбира-

ния «Трактор-пение, основан-рма, не призна-экономическому твод индийско-ирма в качестве sion», используя соглашения, змотрение в тре-ми третейского ий суд согласно ило Нью-Йорк-ние стороны (от-го главным воп-еской природы го-процессуаль-йского соглаше-я по закону суда

битрабельности икают в связи с й ВТАКом спо-принципа авто-транного права, м коллизионной я в зависимость й точки зрения нного междуна-ва указывает на еделении арбитра-рбитраже опре-кность. Обратим е сразу несколь-ление; закон од-а, и, наконец, за-ее всего будет с незначитель-

ными изменениями приходит Дж. Кордеро Мосс: «... недействительность третейского решения по причине отсутствия арбитрабельности может привести к его аннулированию или отказу в его исполнении, только, если спор не являлся арбитрабельным в соответствии с правом места проведения третейского разбирательства или правом страны суда, где третейское решение подлежит исполнению, или правом, выбранным сторонами для регулирования третейского соглашения. Право, регулирующее существо спора, наоборот, не подлежит применению к вопросу арбитрабельности».²⁹ Тем не менее, все цитируемые выше авторы сходятся в одном — арбитрабельность спора является одним из элементов действительности третейского соглашения, заключенного между сторонами. К сожалению, по этому пути пошла и судебная практика.³⁰ Такой подход не соответствует юридической природе правоотношений, складывающихся между сторонами третейского соглашения и третейским судьей по поводу определения арбитрабельности спора. Под термином «действительность» понимается свойство материально-правовых соглашений сторон на предмет их соответствия применимому праву. Определение третейским судом арбитрабельности спора не носит характер действия стороны, совершаемого в рамках материально-правового соглашения. Поэтому арбитрабельность спора не может рассматриваться в качестве одного из элементов действительности как третейского соглашения, заключенного между сторонами, так и третейского соглашения, заключенного между сторонами и третейским судьей. От воли сторон, а тем более от воли третейского судьи не зависит придание спору указанного свойства. Действия третейского судьи не завершают процесс конструирования правоотношений, возникших из волеизъявления сторон, как это имеет место быть при установлении сферы действия третейского соглашения, а являются самостоятельной оценкой такого волеизъявления на предмет его соответствия применимому праву. Государственный суд должен рассматривать решение третейского суда относительно арбитрабельности спора как вопрос процессуального характера, разрешенный на основании императивных правовых норм без учета принципа автономии воли сторон. Функции третейского судьи по установлению арбитрабельности не имеют никакой связи с выполнением им поручения, содержащегося в третейском соглашении, и, поэтому, более тяготеют, хотя и не являются таковыми, к функциям государственного суда по отправлению правосудия, чем к договорным обязательствам.

На недопустимость смешения арбитрабельности и действительности третейского соглашения указывают А. Л. Маковский и Б. Р. Карабельников: «Однако на самом деле вопросы арбитрабельности предмета спора и действительности арбитражного соглашения являются различными вопросами, решаемыми на основании различных норм права и различных подходов ..., и не всегда вывод о неарбитрабельности предмета спора влечет за собой прекращение арбитражного разбирательства без вынесения подлежащего принудительному исполнению решения».³¹ Различие в правовых нормах выражается в различных коллизионных нормах, предусмотренных в подпункте «а» пункта 1 и пункта 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Различие в подходах — в проявлении государственным судом собственной инициативы при решении вопросов арбитрабельности и отсутствии таковой при определении действительности третейского соглашения. Таким образом,

вышеназванные ученые разделяют вопросы арбитрабельности и действительности третейского соглашения лишь по внешним признакам — особенностям правового регулирования, не затрагивая их юридической природы. Поэтому, с некоторыми выводами А. Л. Маковского и Б. Р. Карабельникова трудно согласиться. В частности, ими высказано мнение о том, что вопрос о действительности третейского соглашения связан с процессуальными отношениями: «Приведенные выше нормы российского права, как частного, так и административного ..., тем не менее не могут применяться при решении вопроса о действительности арбитражного соглашения, так как они регулируют сугубо материально-правовые, а не процессуальные отношения, которыми следует руководствоваться при решении этого вопроса».³² Правоотношения, возникающие при установлении арбитрабельности, без сомнения, носят процессуальный характер, что нельзя сказать о действительности третейского соглашения, заключенного между сторонами, которое, прежде всего, является материально-правовым договором.

Процессуальная природа вышеназванных действий третейского суда предопределяет способы установления арбитрабельности спора. В их основу должны быть положены четко сформулированные правила, за рамки которых третейский суд не вправе выходить.

Распространенным способом установления арбитрабельности является описание правоотношений, которые могут быть предметом третейского разбирательства. Основной задачей становится выявления характерных свойств, присущих предмету исследования, в связи с чем, этот способ можно назвать позитивным. Акцент делается на принадлежность правоотношений к определенной отрасли права либо на квалифицирующий признак таких правоотношений. Так, например, российское право указывает на гражданско-правовой характер отношений как необходимую предпосылку для обращения сторон к третейскому разбирательству. Согласно п. 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом. В праве других стран ориентиром выступают законодательно закрепленные признаки правоотношений: экономический интерес в Германии³³, имущественный и денежный характер требований в Швейцарии.³⁴ Недостаток позитивного способа определения арбитрабельности заключается в том, что он допускает возможность передачи на рассмотрение третейского суда неарбитрабельных споров. Разграничение правоотношений по их отраслевой принадлежности исключает вынесение третейских решений по уголовным и административным делам, но теряет свою эффективность в делах, где публичный характер правоотношений выражен менее явным образом, к примеру, дела о банкротстве, нарушение антимонопольных требований. Также в самом гражданском праве существуют виды правоотношений, которые не могут быть предметом третейского разбирательства. Указание на отдельные признаки не может решить рассматриваемую проблему. Поэтому, в праве применяется другой способ определения арбитрабельности, заключающийся в описании конкретных видов правоотношений, которые в случае возникновения спора не обладают этим свойством. Описание может производиться либо путем прямого перечисле-

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

ния данных по это перечисле итальянском и ные дела³⁵, ил перечень: семе опеке, усынов. другие федера ти можно назе охватывает вс бельных спор воплощения п нию законода: споров опреде мость), должн: закон, но и сф бы не породж трудноразреш тивность пози свидетелству исчерпывающ Оптимальным установление неарбитрабел

Прежде че ции, необходи он предусмотр го, с ограничен споры, если та государства и бирательства. ных стран, в ч разграничени сторон самим юридической. заключить ми го критерия, и формулировк: Австрийский : этого критери

В институт имосвязь граж суда по его уте сти спора. Дан всего институ: ния. По мнени бой «сплав» гд ных действий природы (sui g

ния данных правоотношений, либо путем ссылки на нормативные акты, где это перечисление содержится. Прямое перечисление споров встречается в итальянском праве: дела о личном статусе физических лиц и бракоразводные дела³⁵, или в китайском праве, предусматривающем более обширный перечень: семейные дела, наследственные, административные споры, дела об опеке, усыновлении.³⁶ Российское право ограничивается общей ссылкой на другие федеральные законы. Данный способ установления арбитрабельности можно назвать негативным. Его недостаток заключается в том, что он не охватывает все случаи исключения правоотношений из категории арбитрабельных споров. Опасения сторонников данного способа в реальности его воплощения прослеживаются даже в их рекомендациях по совершенствованию законодательства: «Напротив, нормы, исключающие арбитрабельность споров определенных категорий (если в таком исключении есть необходимость), должны быть не просто включены в соответствующий федеральный закон, но и сформулированы в нем абсолютно четко и недвусмысленно, чтобы не порождать ненужных разногласий между сторонами и не создавать трудноразрешимых задач при применении такого закона».³⁷ Низкая эффективность позитивного и негативного способа определения арбитрабельности свидетельствует о тщетности попыток закрепить на законодательном уровне исчерпывающий перечень арбитрабельных и неарбитрабельных споров. Оптимальным способом решения проблемы, по мнению автора, может быть установление универсального критерия разграничения арбитрабельных и неарбитрабельных споров.

Прежде чем приступить к анализу того или иного критерия классификации, необходимо четко представлять себе задачи, для выполнения которых он предусмотрен. Введение понятия арбитрабельности связано, прежде всего, с ограничением права сторон передавать на рассмотрение третейского суда споры, если такая передача может нарушить публично-правовые интересы государства или принцип добровольности при проведении третейского разбирательства. Во исполнение этих целей в законодательстве ряда зарубежных стран, в частности, Австрии, Швеции, Нидерландов, в качестве критерия разграничения арбитрабельных и неарбитрабельных споров, указано право сторон самим урегулировать возникший между ними спор.³⁸ В российской юридической литературе этот критерий интерпретируется, как право сторон заключить мировое соглашение. Исследователи, придерживающиеся данного критерия, по мнению автора, идут в правильном направлении, хотя его формулировка является неполной. Вот почему, при обсуждении изменений в Австрийский процессуальный кодекс рабочая группа хотела отказаться от этого критерия в силу его неясности.³⁹

В институте мирового соглашения наибольший интерес представляет взаимосвязь гражданско-правового договора сторон и процессуальных действий суда по его утверждению, особенно, при решении вопроса об арбитрабельности спора. Данный признак играет настолько важную роль в регулировании всего института, что специально упоминается в понятии мирового соглашения. По мнению российских ученых, мировое соглашение представляет собой «сплав» гражданско-правовой сделки (мировой сделки) и процессуальных действий⁴⁰ или «сложное правовое образование, объект смешанной природы (*sui generis*), где материально-правовой порядок согласования усло-

вий урегулирования спора в сочетании с процессуальным порядком утверждения этих условий представляют собой единый юридико-фактический состав, имеющий как материальное, так и процессуальное значение». ⁴¹ Однако доминирующее положение в таком образовании занимает все же процессуальный элемент. На это указывает отраслевая принадлежность института мирового соглашения, рассматриваемого как института гражданского процессуального и арбитражного процессуального права. Первичность процесса и вторичность гражданско-правового договора (мировой сделки) определяют подход к мировому соглашению либо как к «действию, совершаемому в осуществление процессуальных прав и обязанностей», ⁴² либо как «обращениям обеих сторон к суду, одновременным и согласованным по своему содержанию». ⁴³ Преобладание процессуального элемента в мировом соглашении лишает гражданско-правовой договор, лежащий в его основе, самостоятельного значения, так как все юридические последствия наступают для сторон после утверждения мирового соглашения судом: «Мировое соглашение, не утвержденное арбитражным судом, не влечет юридических последствий — оно не вступает в действие. Юридические последствия из мирового соглашения возникают только при наличии всего фактического состава, в который входит собственно мировое соглашение и утверждающее его определение суда». ⁴⁴ В современной российской юридической науке все чаще встречаются попытки обосновать самостоятельное значение гражданско-правового элемента в мировом соглашении. В настоящее время существуют два подхода к этой проблеме. Сторонники первого подхода призывают рассматривать мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования споров. Ссылаясь на разработанность подобной трактовки мирового соглашения в зарубежном праве, они предлагают внести соответствующие дополнения в российское гражданское законодательство, так как существующие гражданско-правовые средства (новация, отступное и др.) не соответствуют его сущности и правовому значению. ⁴⁵ Сторонники второго подхода пытаются, используя действующий правовой инструментарий, придать самостоятельное значение мировой сделке — гражданско-правовому договору, лежащему в основе мирового соглашения. Ключевым вопросом данного подхода является способ обжалования мировой сделки как составной части мирового соглашения. Вместо обжалования судебного акта, утверждающего мировое соглашение, предлагается рассматривать его юридические последствия в отдельном порядке с перспективой пересмотра определения об утверждении мирового соглашения по вновь открывшимся обстоятельствам. ⁴⁶ Причиной замены одних средств процессуальной защиты на другие является нарушение прав заинтересованных лиц, которое не может устранить сложившаяся судебная практика по применению процессуального законодательства. Правда, не все примеры, приводимые сторонниками второго подхода, подтверждают правильность и актуальность данного вывода. В частности, трудно согласиться с утверждением М. Рожковой о том, что «существующие в процессуальном законе ограничения в отношении лиц, не участвующих в деле, значительно сужают круг участников, фактически обладающих возможностью обращения с таким требованием (имеется в виду требование об оспаривании мирового соглашения — от Авт.)». ⁴⁷ Критикуя эту точку зрения, В. В. Прохоренко справедливо указывает на статью 42 Арбит-

ражного процессуального закона, предусматривающего участие в рассмотрении дела в порядке надзора третейского суда по инициативе заинтересованных лиц. Действия суда не являются действиями третейского суда. Это объясняется тем, что предмет рассмотрения третейского суда — это дело, а предмет рассмотрения третейского суда — это дело, а предмет рассмотрения третейского суда — это дело.

Действия суда не являются действиями третейского суда. Это объясняется тем, что предмет рассмотрения третейского суда — это дело, а предмет рассмотрения третейского суда — это дело, а предмет рассмотрения третейского суда — это дело.

Различия в подходах к рассмотрению споров. К при мировом соглашении Государственный третейский суд новополагающий личный порядок. Вместе с тем, данию автора, м

ражного процессуального кодекса РФ, предусматривающей право лиц, не участвующих в деле, о правах и об обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт, обжаловать этот судебный акт, а также оспорить его в порядке надзора. Как видно, ошибочность рассматриваемого тезиса заключается в неоправданном применении оснований для отмены решений по существу к процедуре обжалования определения об утверждении мирового соглашения.

Действия суда по утверждению мирового соглашения во многом напоминают действия третейского суда по установлению арбитрабельности спора. Это объясняется их единой процессуальной природой. Если в первом случае на предмет соответствия праву проверяются согласованные сторонами положения мирового соглашения, то во втором — переданный сторонами на рассмотрение третейского суда спор. Однако есть и существенные различия между этими двумя институтами. Как уже было сказано, признание мировой сделки юридически значимой целиком зависит от утверждения мирового соглашения судом. На судьбу третейского соглашения, заключенного между сторонами и присоединившимся к нему третейским судьей, не влияет на принятое этим третейским судом решение об арбитрабельности или неарбитрабельности спора. Третейское соглашение сохраняет свою силу хотя бы в части выполнения третейским судьей поручения по определению своей компетенции и эффективности использования заинтересованной стороной избранного ею способы защиты права. Это объясняется, в отличие от мирового соглашения, первичностью взаимного волеизъявления сторон перед третейским разбирательством. Третейский суд в случае заявления одной из сторон требования об установлении сферы действия третейского соглашения решает вопрос о своей компетенции. Этот вопрос должен быть разрешен третейским судом до определения арбитрабельности спора. В данной ситуации уместна аналогия с последствиями определения подсудности и подведомственности спора. Суд возвращает исковое заявление только в связи с неподсудностью дела: «Даже если суд полагает, что дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде, в том числе в виду его неподведомственности, он не может по этому основанию отказать в принятии искового заявления или возвратить его». ⁴⁸ С учетом специфики юридической природы правоотношений участников третейского разбирательства, о которых было сказано выше, можно распространить ограничения процессуальных полномочий государственного суда на принятие решений третейским судом при установлении своей компетенции по делу.

Различие в подходах к мировой сделке и третейскому соглашению не позволяет безоговорочно рассматривать право сторон заключить мировое соглашение как критерий разграничения арбитрабельных и неарбитрабельных споров. К примеру, не может применяться такое требование к заключению мирового соглашения как соответствие его нормам материального права. Государственный суд не вправе пересматривать правильность применения третейским судом материального права, если только не нарушаются его основополагающие принципы решением внутреннего третейского суда или публичный порядок — решением международного коммерческого арбитража. Вместе с тем, другое требование к заключению мирового соглашения, по мнению автора, может выступать в качестве универсального критерия арбитра-

бельности. Речь идет о недопустимости нарушения мировым соглашением прав и законных интересов других лиц. Применительно к третейскому разбирательству это требование можно выразить следующим образом:

Спор не может быть предметом рассмотрения третейским судом, если он возник из правоотношений, в которых участвует неопределенный круг третьих лиц.

Отказ от жесткой формулы «нарушение прав и интересов третьих лиц» не случаен. При утверждении мирового соглашения суд рассматривает готовый результат урегулирования спора, предложенный сторонами. Принятие решения об арбитрабельности спора всегда предшествует разрешению его по существу. Запрет для третейского суда рассматривать правоотношения, в которых участвуют третьи лица, не являющиеся сторонами третейского соглашения, вытекает не из ошибочности выводов третейского суда, сделанных на счет третьих лиц, а из существования самой возможности вынесения ошибочного третейского решения. Поэтому, в формулировке критерия арбитрабельности используется терминология правил определения подведомственности споров. Однако это ни в коем случае не означает наличие какой-либо отраслевой принадлежности или структурной подчиненности между понятиями «арбитрабельности» и «подведомственности», на чем настаивает, в частности, Скворцов: «Еще раз подчеркнем, что арбитрабельность является более узким понятием, нежели подведомственность; правовым механизмом, который не конкурирует со своим родовым институтом и является одним из элементов института подведомственности, обеспечивающим распределение дел между различными юрисдикционными звеньями».⁴⁹ В основу же настоящего исследования положен следующий принцип: третейский суд не входит в систему органов правосудия, деятельность которых регулируется процессуальным законодательством, в том числе правилами определения подведомственности споров. Можно говорить лишь о наделении третейских судей некоторыми процессуальными правами, осуществляемыми ими в конкретном третейском разбирательстве. Поэтому ни автоматический перенос правил государственного судопроизводства на третейское разбирательство, ни подчинение понятийного аппарата, используемого в деятельности третейских судов, гражданскому или арбитражному процессуальному праву, не учитывает уникальную природу отношений участников третейского разбирательства, которые имеют как процессуальный, так и материальный характер.

Статус третьих лиц необходимо отличать от статуса участников многостороннего третейского соглашения, как действующих, так и потенциальных. Уже сама терминология предполагает отсутствие согласия третьих лиц на разрешение спора путем третейского разбирательства. Поэтому третейский суд не рассматривает вопрос о распространении действия третейского соглашения на третьих лиц в силу существования каких-либо договорных обязательств. Этот вопрос может встать перед ним только в случае подтверждения статуса стороны третейского соглашения, которое может быть как двусторонним, так и многосторонним. Для того, что разграничить проблему установления арбитрабельности спора и проблему определения состава участников многостороннего третейского соглашения, необходимо, чтобы отсутствовала потенциальная возможность для третьего лица присоединиться к третейскому соглашению. Такой эффект достигается только в случае,

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

когда круг третьих лиц, участвующих в соглашении, определенным судом признан.

Институт заставившее процессуальное разбирательство, к правильности которого относятся ошибки при применении критерия арбитрабельности известными юридическими источниками. В субъекте судебного разбирательства интересы могут быть затронуты. Эффективность третейского разбирательства, государственные функции, численные показатели. В частности, для третейского суда или отказом от судебного разбирательства, если оно нарушает процессуальное разбирательство, судебные акты, заключающиеся в том, что лишает третейский суд, почему, больше соглашения, даже можно говорить о гражданском соглашении, обжаловать арбитрабельности судебных и третейских решений. В силу третейского разбирательства, право обжалования. Одновременно является основным в исследовании работы в третейском разбирательстве и третейском разбирательстве.

когда круг третьих лиц, вовлеченных в правоотношения сторон третейского соглашения, неизвестен и не может быть определен при вынесении третейским судом решения о наличии или отсутствии своей компетенции.

Институт арбитрабельности не должен рассматриваться как статичное, застывшее правовое образование, вмещающее в себя исчерпывающий перечень правоотношений, которые не могут быть предметом третейского разбирательства, как свод абсолютных правил, гарантирующих третейскому суду правильность определения вышеназванного свойства спора и избежания ошибок при условии их неукоснительного соблюдения. Наоборот, предлагаемый критерий устанавливает жесткую зависимость между определением арбитрабельности спора и фактическими обстоятельствами, ставшими известными третейскому суду в третейском разбирательстве. Среди этих фактических обстоятельств ключевую роль играет обнаружение третейским судом в субъектном составе правоотношений, являющихся предметом третейского разбирательства, неопределенного круга третьих лиц, чьи права и интересы могут быть затронуты вследствие вынесения третейского решения. Эффективность правил об арбитрабельности проявляется на стадии отмены третейского решения или признания и приведения его в исполнение, когда государственный суд пересматривает принятое третейским судом решение. Негативными факторами, снижающими эту эффективность, выступают многочисленные пробелы в законодательстве, регулирующем соответствующие вопросы. В частности, в российском законодательстве отсутствует возможность для третьих лиц самим обратиться в государственный суд за отменой или отказом в признании и приведении в исполнение третейского решения, если оно нарушает их права и интересы. Применительно к мировому соглашению эта проблема уже давно решена в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве, где прямо предусмотрено право обжалования судебных актов третьими лицами. У ряда ученых, например, у Рожковой, существуют замечания к механизму реализации рассматриваемого права, заключающиеся в коротком сроке обжалования судебных актов, что фактически лишает третье лицо возможности воспользоваться этим правом. Вот почему, большинство дел об отмене определений, утверждающих мировое соглашение, рассматриваются в надзорном, а не кассационном порядке. И все же можно говорить о законченности и логичности установленных правил в гражданском и арбитражном процессуальном праве в отношении мирового соглашения, так как они предусматривают возможность для третьего лица обжаловать судебный акт. Существующая система правовых норм об арбитрабельности спора такой возможности не дает, что приводит к конкуренции судебных и третейских решений. Обращение третьих лиц к принципу преюдициальности не может являться достаточной гарантией защиты их интересов. В силу этого принципа доказательная сила фактов, установленных в третейском решении, не распространяется на третьих лиц, что сохраняет для них право обратиться в суд и получить решение, отличное от третейского решения. Однако, противоречие третейского решения судебному решению не является основанием для отмены первого или отказа в его признании и приведении в исполнение. Таким образом, все сводится к скорости и оперативности работы команды юристов выигравшей стороны в третейском разбирательстве и третьего лица, не участвующего в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ David St. John Sutton and Judith Gill Russel on Arbitration 22 edition Sweet & Maxwell 2004 P. 13.
- ² Ярков В. В. Постатейный комментарий к АПК РФ. Цитируется по Информационно-правовой системе Гарант 4.0.
- ³ В. Хвалец. Как убить арбитражное соглашение // «Третейский суд», 2003. № 5. С. 55-57.
- ⁴ David St. John Sutton and Judith Gill Ibid. P. 12.
- ⁵ М. Рожкова. Разрешение и урегулирование коммерческих споров // Приложение к журналу «Хозяйство и право», 2005. № 1. С. 24. Следует внести одно уточнение: спор между иностранными организациями, ведущими основной бизнес за пределами Российской Федерации, могут быть предметом рассмотрения международным коммерческим арбитражем.
- ⁶ М. Рожкова. Указ. Соч. С. 23-24.
- ⁷ Alan Redfern, Martin Hunter Law and Practice of International Commercial Arbitration 3 edition Sweet & Maxwell 1999, P. 159
- ⁸ David St. John Sutton and Judith Gill Ibid. P. 13.
- ⁹ Подробнее см. Лебедев С. Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М. 1988.
- ¹⁰ О. Ю. Скворцов Подведомственность споров третейским судам // «Третейский суд», 2005. № 1 С. 20-21.
- ¹¹ Е. В. Брунцева Международный коммерческий арбитраж 2001. С. 100, Е. Степаненко Основания для передачи спора на рассмотрение Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ // «Хозяйство и право», № 6. 1999. С. 62.
- ¹² В. В. Ярков Научно-практический комментарий к главам 30 и 31 АПК РФ // Библиотека журнала «Третейский суд». Комментарий законодательства под редакцией профессора В. А. Мусина Санкт-Петербург 2004. С. 196.
- ¹³ Арбитражная практика МКАС при ТПП РФ за 1998г. Составитель сборника М. Г. Розенберг. М. 1999. С. 107-108.
- ¹⁴ М. Г. Розенберг Из практики Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате РФ за 2003г. // Приложение к Журналу Хозяйство и право № 3. 2004. С. 5-11.
- ¹⁵ Арбитражная практика МКАС при ТПП РФ за 2001-2002 гг. Составитель сборника М. Г. Розенберг. М. 2004. С. 76-87.
- ¹⁶ Арбитражная практика МКАС при ТПП РФ за 1996-1997 гг. Составитель сборника М. Г. Розенберг. М. 1998. С. 33.
- ¹⁷ David St. John Sutton and Judith Gill Ibid P. 54.
- ¹⁸ Арбитражная практика МКАС при ТПП РФ за 2001-2002 гг. Составитель сборника М. Г. Розенберг. М. 2004. С. 59.
- ¹⁹ Арбитражная практика МКАС при ТПП РФ за 2001-2002 гг. Составитель сборника М. Г. Розенберг. М. 2004. С. 286
- ²⁰ Текст постановления взят из Журнала Третейский суд № 1 2003г. С. 47-48.
- ²¹ В. В. Ярков. Краткий комментарий постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.01.03. № 2853/00. // «Международный коммерческий арбитраж», № 2. 2004. С. 99.
- ²² Т. К. Андреева. Вопросы действительности арбитражных решений в практике арбитражных судов в РФ. // «Третейский суд», № 6. 2004. С. 75.
- ²³ Tibor Varady, John J. Barcello, III Arthur T. von Mehren International Commercial Arbitration a transnational perspective, American casebook series. St. Paul, Minn, 1999 P. 180-196.
- ²⁴ В. Хвалец. Указ. Соч. С. 55.
- ²⁵ Копылов В. А. Подведомственность третейским судам споров, вытекающих из осуществления предпринимательской деятельности. Альтернативное разрешение споров. Волжский. 2003. Курочкин С. А. Подведомственность дел третейским судам // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса № 2 2002-2003. СПб. 2004.
- ²⁶ О. Ю. Скворцов. Указ. Соч. С. 22.
- ²⁷ Подробнее см. А. И. Минаков Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М. 1975. С. 113-115.
- ²⁸ Е. В. Брунцева. Указ. Соч. С. 101.
- ²⁹ Giuditta Cordero Moss Arbitrability of disputes regarding petroleum investments in Russia and the validity of an international arbitral award //www.dundee.ac.uk//
- ³⁰ Подробнее см. правовой анализ постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по делу № 3515/00, сделанный Л. Маковским, Б. Р. Карабельниковым в статье «Арбитрабельность споров: российский подход» // «Международный коммерческий арбитраж», № 3, 2004. С. 28
- ³¹ А. Л. Маковский, Б. Р. Карабельников. Указ. Соч. С. 28.
- ³² А. Л. Маковский, Б. Р. Карабельников. Указ. Соч. С. 36.
- ³³ http://www.dis-arb.de/materialien/shiedsverfahrensrendcht_98-e.html

- ³⁴ Laurent Levy Arl Issue 3 2002. P. 77.
- ³⁵ <http://www.lexm>
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ А. Л. Маковский,
- ³⁸ Ibid, <http://www>.
- ³⁹ Dr Erhard Bohm (P.106.
- ⁴⁰ М. Рожкова. Мирние № 9 к Жур. Х
- ⁴¹ В. В. Прохоренко вузовский сборник
- ⁴² Р. Е. Лукасян. Цитируется по Приволжское кн Соч. С. 334.
- ⁴³ М. А. Гурвич. Гр С. 105. Цитируется
- ⁴⁴ М. Рожкова. Указ
- ⁴⁵ Д. Л. Давыденко. Новых споров (по соисканию ученой
- ⁴⁶ М. Рожкова. Указ
- ⁴⁷ М. Рожкова. Указ
- ⁴⁸ Г. Кулаков, Я. Ор
- ⁴⁹ О. Ю. Скворцов.

Продолжение

CABINET
SCM d'Avoca
 5 rue Taylor,
 Телефон: (33)
 Факс: (33) 1
 E-mail: nerdr

Ад

Внесен в спис

- ♦ Международ при ТПП
- ♦ Третейско
- ♦ Международ Арбитраж
- ♦ Арбитраж Стокгольм

Языки: русс
 немецкий и
 Член Между
 при Между

- ³⁴ Laurent Levy Arbitrability of disputes in corporate matters (Swiss law) International Arbitration Issue 3 2002. P. 77.
- ³⁵ <http://www.lexmercatoria.org>.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ А. Л. Маковский, Б. Р. Карабельников. Указ. Соч. С. 19.
- ³⁸ Ibid, <http://www.chamber.se/arbitration>.
- ³⁹ Dr Erhard Bohm Outlook on a new Austrian Arbitration Law International Arbitration Issue 4 2003 P.106.
- ⁴⁰ М. Рожкова. Мировое соглашение в исковом производстве и на стадии исполнения. Приложение № 9 к Жур. Хозяйство и право. 2003. С. 4.
- ⁴¹ В. В. Прохоренко. Правовая природа мирового соглашения / Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2. М. 2002. С. 345.
- ⁴² Р. Е. Лукасян. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов. Приволжское книжное издательство. 1970. С. 129-130. Цитируется по В. В. Прохоренко. Указ. Соч. С. 334.
- ⁴³ М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. С. 105. Цитируется по В. В. Прохоренко. Указ. Соч. С. 335.
- ⁴⁴ М. Рожкова. Указ. Соч. С. 25.
- ⁴⁵ Д. Л. Давыденко. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частно-правовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук М. 2004. С. 12.
- ⁴⁶ М. Рожкова. Указ. Соч. С. 35-37.
- ⁴⁷ М. Рожкова. Указ. Соч. С. 35.
- ⁴⁸ Г. Кулаков, Я. Орловская. Исковое заявление: условия принятия / Коллегия № 2 2004. С. 30.
- ⁴⁹ О. Ю. Скворцов. Указ. Соч. С. 21.

Продолжение статьи читайте в следующем номере журнала.

CABINET TAYLOR

SCM d'Avocats

5 rue Taylor, 75010 Paris

Телефон: (33) 1 44 52 14 39

Факс: (33) 1 44 52 14 40

E-mail: nerdrum@avocat-taylor.com

Обслуживает Вас
в международном
арбитраже

Партнер:

ГУННАР НЕРДРУМ

**Адвокат при Верховном Суде Норвегии
и Парижской Коллегии Адвокатов**

Внесен в список:

- ♦ Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ
- ♦ Третейского Суда при Санкт-Петербургской ТПП
- ♦ Международного Коммерческого Арбитражного Суда при ТПП Украины
- ♦ Арбитражных Институтов Торговых Палат Стокгольма, Хельсинки, Осло и Каира

Языки: русский, английский, французский, немецкий и скандинавские

Член Международного Арбитражного Суда при Международной Торговой Палате в Париже с 1997 г.